

На правах рукописи

ВОДКИН МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

**Проблемы рецепции римского права собственности в европейских
кодификациях XIX-XX вв.**

Специальность: 12.00.01 - Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань, 2007

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права
Муниципального образовательного учреждения
«Университет Наяновой», г. Самара.

Научный руководитель:
доктор юридических наук
Финогентова Ольга Евгеньевна

Официальные оппоненты:
доктор юридических наук, профессор
Летяев Валерий Алексеевич

Кандидат юридических наук, доцент
Блажко Петр Корнеевич

Ведущая организация:
ГОУ ВПО Самарский государственный экономический университет.
Институт права.

Защита диссертации состоится 29 марта 2007 года в 10 часов на заседании диссертационного совета К 212.081.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» (420008 г.Казань, ул.Кремлевская, д.18, ауд. 324).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им.В.И. Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан ____ февраля 2007 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета К 212.081.01
Кандидат юридических наук, доцент

Г.Р.Хабибуллина

Автореферат

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования: проблема права индивидуальной частной собственности не нова, однако единого взгляда на понимание данного института так не было сформировано исследователями-цивилистами со времен Римского права. Как известно, византийский император Юстиниан стал знаменит двумя свершениями: кодификацией римского права и строительством собора Св.Софии. Наше время так же отмечено и своим Гражданским кодексом, и своим собором. Отличие, может быть, видится в том, что на наши творения наложена несомненная печать реставрации, они выполнены в духе культурной преемственности, восстановления некогда разрушенного, связи разорванного.

Обращение к римскому правовому наследию актуально в силу институциональных реформ в России и, в частности, перехода от советской социалистической собственности к частной собственности граждан. Находясь под семидесятилетним влиянием догмы социалистической собственности – основы административно-командной системы управления экономикой, российская цивилистика потеряла преемственность с мировой правовой культурой, колыбелью которой во многом явилось римское частное право, в основе которого лежат принципы индивидуализма, выделения субъекта права из общины, неприкосновенности частной собственности. Многие актуальные проблемы социально-экономического развития современной России, такие как государственная регистрация права собственности на недвижимое имущество, добросовестный приобретатель, институт давностного владения, соотношение собственности с другими институтами вещного права и многие другие, напрямую связаны с проблемой совершенствования гражданского законодательства. При совершенствовании правовой базы необходимо особое внимание уделить проблеме соотношения публичных и частноправовых начал в цивилистике. В свете этих проблем изучение и анализ накопленного мировой цивилизацией опыта становится

особенно актуальным.

Повышенное внимание к данному институту обусловлено в первую очередь тем, что собственность является важнейшим элементом хозяйственной жизни общества и предполагает определение юридических отношений лиц к вещам, которые в ограниченном количестве находятся в сфере данного общества и распределение их между лицами. Не случайно Цицерон, рассматривая государство как закономерный продукт общества, отмечал, что причиной образования государства является охрана частной собственности, а нарушение неприкосновенности частной и государственной собственности характеризуется как осквернение и нарушение справедливости и права. Современное усложнение экономических отношений, изменение социальных институтов в постсоветском государстве порождает множество проблем в сфере частной собственности, а эти проблемы, по мнению автора, могут быть более успешно решены в том случае, если при их решении мы будем опираться на ретроспективный анализ и в этом автор так же видит актуальность данной работы.

Современное законодательство пошло по пути возможного примирения спорных позиций, соединения в положительном праве накопленного исторического материала и соответствующих политических и экономических тенденций. Законодатель, зачастую, формируя право, пытается собрать наиболее совершенные с его точки зрения, способы правового регулирования отношений частной собственности, имеющийся у других народов, путем их простого заимствования и преобразования с учетом национальных культурных традиций. Отсутствие же основного принципа урегулирования отношений собственности ведет к простой компиляции правовых норм, но не решает возникающие многочисленные спорные ситуации правоприменения.

Кроме того, по видимому, римское право как таковое, является собирательным явлением, так как ряд его положений не свойственен историческому римскому праву ни на каком из этапов его развития. Они, в

том числе и правовая философия, активно используемая в настоящее время, были созданы во многом церковной властью благодаря заслугам и особой роли канонического права в средневековье. При этом, нельзя не отметить схожесть различных правовых институтов, и подходов к разрешению правовых казусов во многих других исторических правовых системах.

Настоящая проблема по различным причинам не исследуется, хотя такое исследование необходимо для юриспруденции, так как должны быть выявлены общие закономерности развития частного права, в связи с чем может быть сформулирована модель частного права, характерная для всего человечества, независимо от исторического этапа его развития, формаций, идеологической нагрузки. Конечно, исторический аспект также играет важную роль в развитии современной юриспруденции, так как «исследуя современные гражданско-правовые конструкции и институты, актуально также выяснить их исходный источник, ту историко-правовую нагрузку, которая их определяет для оптимального понимания существа современного гражданского права».¹

Хронологические рамки исследования: в данной работе автором будет исследовано формирование, развитие и правовое регулирование института индивидуальной частной собственности в Римском праве, его рецепция в европейское законодательство XIX - XX вв.

Степень научной разработки проблемы: Теоретическую и методологическую базу исследования составили труды римских юристов, отечественных и зарубежных исследователей – романистов, фундаментальные исследования историков права дооктябрьского, советского и постсоветского периодов.

Среди зарубежных исследователей-романистов можно выделить таких ученых, как Э.Ландсберг, Дж.Локк, Ж.Ж.Руссо, Монтескье, Р.Иеринг, Р.Зом, Совиньи, Ж. де ла Моранндьер Л., Г.Дернбург, Л.Эннексерус, Т.Кипп, М.Вольф, И.Колер,, Фр.Бернгефт, Л.Дюги, А.Бергер, Г.Диошди, П.Жирард, М.Казер, Барон, Е.М.Штаерман, К.Биндинг, П.Бонфанте и др.

¹ Летяев В.А. Рецепция римского права в России XIX- начала XXв. (историко-правовой аспект). Саратов, 2001. С6.

Среди отечественных исследователей можно назвать таких как И.А. Покровский, Д.И.Мейер, В.М.Хвостов, Г.В.Шершеневич, И.С.Петерский, С.Муромцев, Л.И.Петражицкий, М.Вебер, М.Андреев, Н.А.Бердяев, А.А.Вигасин, А.М.Самозванцев, А.В.Венедиктов, А.Я.Гуревич, М.И.Брагинский, В.В.Витрянский, С.Н.Медведев, Д.М.Генкин, Д.В.Дождев, Ф.Дадынский, И.А.Зенин, О.С.Иоффе, Л.А.Кассо, В.В.Колесов, И.С.Клочков, М.Я.Кириллова, Ю.Х.Калмыков,, В.А.Летяев, М.В.Малинкович, В.А.Рясенцев, Г.И.Ческис, А.А.Савельев, В.И.Синайский, К.И.Скловский, В.М.Смирин, В.С.Соловьев, Е.А.Суханов, Ю.К.Толстой, Б.Б.Черепашин, А.Ф.Черданцев, А.А.Рубанов, А.А.Грось, А.В.Коновалов С.И.Раевич, А.П.Сергеев, М.Н.Фролова, И.О.Энгельман, С.И.Ерофеев и др

В настоящее время все еще ощутима проблема отсутствия должного анализа накопленного исторического опыта в сфере правового регулирования и закрепления отношений индивидуальной частной собственности с целью выработки принципов и методов, необходимых для правового регулирования отношений собственности в конкретно взятом государстве с учетом исторических, политических и экономических условий.

Актуальность проблемы, а так же недостаточная как правовая, так и научная урегулированность отношений собственности в современных экономических условиях обусловили выбор темы и предопределили ее комплексный, междисциплинарный характер.

Объект исследования: Объектом данного исследования стал институт индивидуальной частной собственности, институт, который был сформирован и получил правовое закрепление в римском праве и в последствии лег в основу формирования гражданского законодательства большинства современных демократических государств. Данная работа посвящена анализу процесса возникновения, формирования и развития института индивидуальной частной собственности в Римском праве, анализу его рецепции в XIX-XX вв. на примере гражданского законодательства Франции и Германии как основных преемников римских цивилистических

традиций, выявлению спорных аспектов реализации концепции частной собственности в российском законодательстве. При проведении данного анализа главными исследуемыми проблемами являются выявление сущности института собственности в рамках его эволюции, проблема реализации индивидуалистического принципа в римском праве и его развитие в период рецепции, проблема определения права собственности через триаду правомочий, вопросы урегулирования вмешательства публичной власти в сферу частно-собственнических отношений.

Методологической базой исследования является общенаучный диалектический метод и вытекающие из него частно-научные методы: сравнительно-правовой, технико-юридический, системно-структурный. Помимо этого, большое значение в исследовании отводится историческому методу, использование которого позволило проследить динамику развития института индивидуальной частной собственности в римском праве, в Кодексе Наполеона и Германском гражданском уложении, его реализацию в гражданском законодательстве России. Комплексное применение данных методов дало возможность исследовать указанные объекты в их взаимосвязях и получить наиболее целостную картину исследуемого явления.

Цель диссертационной работы: всесторонне проанализировать формирование института индивидуальной частной собственности в римском праве и его развитие в период рецепции римского права в XIX-XX вв., выявить качественные аспекты, подлежащие правоприменению и восполнению пробелов в российском гражданском праве. В соответствии с названной целью и допустимым объемом рукописи автором были сформулированы следующие задачи:

- проанализировать и выделить основные этапы формирования института частной собственности в Римском праве, выявить роль индивидуализма в процессе эволюции указанного института

- выявить основные проблемы рецепции римского института частной собственности в ФГК (Франция) и ГГУ (Германия), сравнить подходы к правовому регулированию права собственности в указанных кодексах.
- проанализировать особенности правового регулирования частной собственности на разных этапах его эволюции
- выявить причины и условия неравнозначного правового регулирования в отношении движимого и недвижимого имущества
- проследить соотношение права собственности с иными сопутствующими вещными правами и, в частности, с правом владения
- определить границы реализации права собственности и условия вмешательства публичной власти в частно-правовую сферу
- выявить проблемы правового регулирования права индивидуальной частной собственности в Российском законодательстве

Научная новизна диссертационного исследования: научная новизна определяется поставленным автором целью и задачами исследования и состоит, прежде всего, в том, что на основе привлечения им широкого круга источников впервые проведено комплексное исследование проблемы института права собственности на разных этапах развития европейского законодательства.

Проведена работа по определению и систематизации историографической проблематики римского права в европейском законодательстве XIX – XX вв. Проведен сравнительный анализ института права собственности в римском частном праве и институтом права собственности в России.

Теоретико-методологическая новизна исследования заключается в системном и комплексном подходе к исследуемой проблеме. Автор рассмотрел данный правовой институт в его историческом развитии, выявив при этом его специфические черты и факторы, обусловившие их формирование.

Автор впервые определил и исследовал на институциональном уровне степень заимствования европейской правовой культурой институтов римского права.

Основные положения выносимые на защиту:

1. Римляне не только не выработали единого понятия собственности, четкой юридической терминологии в сфере права собственности, но и не стремились к этому. Римскому праву не присуще понимание права собственности посредством перечисления его основных правомочий

2. Конструкция *dominium ex iure Quiritum* является результатом индивидуализации семейного имущества, когда *potestas*... стала мыслиться как функция главы семьи, и сохраняет поэтому потестарные характеристики групповой формы принадлежности. *Dominium* - "власть-собственность", выражающая позицию в семье и гражданском коллективе, а не "право самоценного индивида".

3. Римское право не передало средневековью ни понятия собственности как набора правомочий, ни тем более (как частный случай) идеи триады. Это всецело продукт европейской средневековой юриспруденции

4. Оценивая динамику вытеснения публичного права частным и наоборот, нужно иметь в виду, что вообще в архаике отмечаются два этапа: на раннем публичная юридическая реакция (главным образом религиозно мотивированная и оформленная) выражает нерасчлененность индивида и общности и затем, по мере имущественной и личной дифференциации, заменяется в значительной мере системой частных прав.

5. Развитие и углубление содержания частного права приводят к выделению из него некоторых отношений, в которые вмешивается не совпадающая более с обществом публичная власть. Это уже вторичное публичное право, противостоящее частному. При этом между публичным и частным правом не существует точной корреляции.

6. Окончательное становление права собственности как института стало возможным только с дифференциацией обслуживающих его институтов, и в частности владения. Только после выделения владения в отдельный институт гражданского права стало возможным и научно обоснованное определение права собственности, обеспечение ясности и стабильности регулируемых им правоотношений. Современное российское гражданское право пока не позволяет обнаружить самостоятельное право владения. Владение в ГК РФ рассматривается лишь как элемент содержания права собственности. Нынешнее владение в большей степени является фактическим обладанием вещью, а не правом как таковым.

7. Нынешний петиторный процесс крайне формализован и не обеспечивает оперативного восстановления нарушенного владения, обеспечения гражданского правопорядка и имущественных прав потерпевшего. Возрождение поссessorного процесса позволило бы решить эту проблему.

8. Российский законодатель не ввел необходимых ограничений права собственности, диктуемых догмой римского права. Указанные ограничения создаются в подзаконных нормативных актах, конкретизирующих положения п.2 ст. 1 ГК РФ, однако не содержащих порядка и формы решения возникающих коллизий, что приводит к пагубным правовым последствиям и тупиковым ситуациям.

9. Нормы приобретательной давности в российском гражданском праве служат обеспечению прочности оборота, а не установлению права на бесхозяйное имущество. Следовательно, наличие формального собственника у имущества, переходящего в порядке давности, не может исключать ее применение.

10. В процессе исторического развития, законодатель и юристы формировали институт собственности не только путем дифференциации обслуживающих собственность институтов, но и путем «растворения» отдельных элементов этих институтов в правовом регулировании сходных

гражданско-правовых отношений. Особенно важна в этом отношении четкая регламентация института давностного владения, так как близость и спорность подпадающих под него правоотношений в случае неправильного правоприменения может повлечь длительные судебные споры, неопределенность правового положения имущества и нарушение прав субъектов.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования: состоит в возможности использования материалов и выводов диссертации в процессе преподавания курсов: «История государства и права», «История политических и правовых учений», «Международное частное право», а так же в практической деятельности юриста.

Апробация результатов исследования: выводы и основные положения диссертации изложены в опубликованных работах, а так же в выступлениях автора на научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах.

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих десять параграфов, заключения и списка литературы.

II Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются степень разработанности темы, объект, предмет, цель и задачи исследования, его методологическая основа, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту.

Глава I «Проблемы института права собственности в Римском праве» посвящена обобщению всех основных исторических этапов изучения римского института права собственности, характеристике различных взглядов относительно определения, содержания права собственности, выявлению спорных вопросов.

Параграф 1 «Институт права собственности в римском праве.

Историографический обзор проблем»: Первоначальным изучением проблем индивидуальной частной собственности занимались римские юристы. Их работы были посвящены толкованию, разъяснению норм права института частной собственности. Научно-практическое осмысление института индивидуальной частной собственности началось в период рецепции римского права.

Правовое осмысление сущности римского института индивидуальной частной собственности и его приспособление к условиям феодализма привело к возникновению теории «разделенной собственности», получившей широкое применение для обоснования отношений, связанных с феодальной земельной собственностью.

Буржуазная цивилистическая доктрина, под влиянием идей исторической, естественной школы права принесла новое понимание роли и сущности института собственности. Возникает противоречие между автономией правосубъектной личности и возможностью государственного вмешательства в ее правовую сферу.

Принятие унифицированных гражданских кодексов Франции (ФГК, 1804г.) и Германии (ГГУ, 1896г.) породило новый виток в исследовании института частной собственности.

Начиная со второй половины XIX века, под влиянием идей исторической школы дает себя знать влияние социалистических учений, которые нашли свое закрепление на благодатной почве советского государства. Возникает абсурдная теория «хозяйственного права», которая может возникнуть только в государстве, которое в принципе не признает существования субъективного права собственности отдельного индивида, а придает собственности характер социальной функции в общественном производстве.

С 1990 –х гг. в России снова возрос интерес к изучению института индивидуальной частной собственности. Несмотря на обилие исследований в области Римского права и проблем его рецепции, как это ни покажется странным, при большом и все возрастающем числе работ о римском праве

собственности характер ее еще остается не ясен.

Параграф 2 «Институт права собственности в римском праве. Проблемы теории»: Среди явлений права именно в собственности выражены качества личности, поэтому она и занимает центральное место среди других правовых институтов. По первобытным и не знавшим исключения представлениям, все вещественное окружение человека было продолжением его личности. Если собственность – немыслимая без собственника его часть, то собственник не только мыслим, но реально невозможен без собственности, без своего. Вследствие этого формируется собственность, определяющая как свои те вещи, в которых личность может свободно реализоваться. Таким образом, возникает проблема понимания индивидуалистического принципа в праве собственности.

В римском праве мы найдем указания на отдельные полномочия, связанные с собственностью: *uti, frui, habere, possidere* и др. Постепенно вырабатывались понятия, которыми понималось в том или ином контексте право, соотносимое с собственностью, обозначаемое как *dominium, plene in re potestas*.

Однако детальное исследование источников приводит к хорошо выводу, что римляне не только не выработали единого понятия собственности, четкой юридической терминологии в сфере права собственности, но и не стремились к этому.

Одна из проблем, которая важна для понимания права собственности - проблема дуализма гражданского права, т.е. деления его на вещные и обязательственные права и институты. Разделение гражданского права прослеживается во всех правовых системах, начиная с римского права с его делением на права (иски) *in rem* и *in personam*.

Но остается незыблемым положение, что на одну вещь имеется только одно тождественное право, тогда как к лицу одинаковых прав можно предъявлять сколь угодно много. Чисто правовая невозможность помыслить мир, где нет разделения на мое и чужое, т.е. мир без вещных прав,

смыкается и с невозможностью установления оборота, не защищенного от внешнего насилия и случайного изменения вещей.

Глава II «Становление и развитие института права собственности в Римском праве» посвящена процессу становления института частной собственности в римском праве.

Параграф 1 «Становление института собственности в древнейший период»: Частная собственность первоначально возникла из владения, а если быть точнее – с *за-владения* вещью. Ведь частная собственность не могла возникнуть из ничего, а произошла в результате присвоения того, что от природы было общим – то есть в результате оккупации или *завладения*. Вещное право собственности представляет собой некоторое юридическое, мысленное и в этом смысле идеальное отношение лица к вещи. Однако фактически, объективно отношения собственности во внешнем мире определяются установлением лицом реального господства над вещью, то есть фактическое владение вещью. Именно поэтому первоначально отсутствовало представление о собственности как отдельного правового института, а существовало владение, устанавливавшее фактическое и юридическое распределение вещей.

Древняя римская собственность еще не отделилась от владения

Анализ *legis actio sacramento in rem* позволяет прийти к заключению, что проверке подвергалось только право ответчика, а следовательно, ответчик нес бремя доказывания. Эта особенность, вероятно, объясняется тем, что в древнейшем Риме, как и в других неразвитых правовых системах, охрана собственности была тесно связана с преследованием воровства.

Существование законного вещного иска посредством присяги (*legis actio sacramento in rem*), в котором поведение претендентов абсолютно симметрично, была положена в основу выдвинутой М.Кайзером концепции «относительной собственности» в архаическую эпоху римского права. Абсурдная конструкция относительного вещного права, применительно к праву собственности, имела недолгий успех. Кайзера критиковали за

неправомерное распространение процессуальных особенностей на материальный объект. Однако критика впадает в другую крайность, исходя из того, что понятие абсолютного и относительного права имеет только процессуальный смысл. Факт остается фактом: ни одна из сторон в древнем виндикационном процессе не должна была доказывать абсолютное право на вещь, доказывалось лишь наличие лучшего чем у противника, основания принадлежности. Симметричность положения сторон, каждая из которых исполняет одновременно и истца, и ответчика, как особенность этой процессуальной формы соответствует относительности защиты, но не информирует об основании этой особенности. Феномен несоответствия средства защиты содержанию права остается необъясненным, если не допустить взаимосвязанность процессуальной и материальной ипостасей вещного права. Выявленная независимость позиции лица от судебного определения так же должна быть согласована с достаточностью относительного обоснования права на вещь.

В эпоху законов XII Таблиц существовал дуализм в праве собственности. С одной стороны существовало наиболее развитое право собственности, *mancipium*, а с другой стороны существовала собственность менее развитая и без имени. В общем, право собственности указанного периода именуется как «квиритская собственность». По своему содержанию это право было переходным образованием. Оно заняло промежуток между грубой римской стариной и развитым порядком будущего, связывая между собой эти крайние тупики римского творчества. Квиритская собственность – еще не полная, «неограниченная» собственность, с которой мы встречаемся позднее. Распоряжение этой собственностью состояло еще под контролем рода. Однако законы Петелия 326 и 313 гг. до н.э. аннулировали огромные права кредиторов над личностью должника, а, следовательно, было упразднено личное долговое рабство. В связи с этим, взыскании кредитора стало обращаться на имущество должника. Как следствие, семейный характер частного имущества начал постепенно терять свою силу.

На основе материала раннего Римского права можно сделать заключение об отсутствии точного понятия собственности в древнейшем праве римлян, но, как подчеркнуто Диошди, отнюдь не самого института собственности, каковой в этом праве, несомненно, как мы уже наблюдали выше, существовал, хотя представление о нем было растворено в более широких понятиях “*meum esse*” и “*mancipium*”, охватывавших собой, не разграничивая, и личностные и имущественные элементы в понимании собственности. Д. Диошди резонно полагает, что одной только “примитивностью древних римлян и их неспособностью создавать отвлеченные понятия” нельзя объяснить это явление, и указывает на его корни в самой структуре древней римской фамилии, которая находилась «под самовластным лидерством „отца семейства“» и в которой “даже свободные лица имели экономическую ценность”. Но самим древним такое аналитическое осмысление их воззрений было чуждо. Их образ мышления характеризовался подчас нераздельностью восприятия явлений, для нас различных.

Архаическим восприятием имущества как “одной из важнейших величин, конституирующих человеческую личность, своеобразного „продолжения“ человека за пределами тела” обусловлена специфика отношения к “вещам”, тесно связанным с жизнью индивида, - человек не столько ими владел, сколько над ними властвовал, как надо всем, что составляло его личность. Социальная связь ощущалась архаическим сознанием как “квазибиологическая”, и отношение к имуществу, по существу, имело известное сходство с отношением к потомству — естественному продолжению личности. Тем не менее, институт квинритской собственности стал основой, материалом для формирования института индивидуальной частной собственности по мере постепенного выделения отдельного индивида из общины и осознании им себя в качестве самостоятельного субъекта права, наделенного не обусловленными статусом *familia* субъективными правами и обязанностями

Параграф 2 «Развитие правового статуса собственности в праве предклассического, классического и постклассического периодов»: Законом 111г. были очерчены правомочия частного собственника. Они характеризуются четырьмя терминами: *uti, frui, habere, possidere* (пользоваться, извлекать доходы, иметь, владеть). Земля, строения, уголья, составляющий объекты собственности, могли легально отчуждаться, о них же могла подаваться жалоба в государственные органы (Сенат) и после смерти их обладателя они не могли быть отобраны у наследников.

Необходимо отметить то обстоятельство, в отношении вышеуказанных правомочий собственника (триады правомочий – владение, пользование и распоряжение) современные российские ученые отмечают, что «римское право не передало средневековью ни понятия собственности как набора правомочий, ни тем более (как частный случай) идеи триады. Это всецело продукт европейской юриспруденции. Конечно же, развитие учения о праве собственности в современном его понимании стало складываться с помощью церковных властей непосредственно в средневековье и в настоящее время продолжается его дальнейшее философское осмысление.

В ходе развития римского общества целостное представление о власти “отца семейства” дифференцировалось. “Доминий” господина над рабом стал различаться от отеческой власти над детьми (D., 50, 16, 215, Paul.), что, возможно, способствовало широкому использованию понятия “доминий” для обозначения отношений собственности. Но позволяет ли такое употребление термина “*dominium*” и появление рядом с ним термина “*proprietas*” утверждать, что римским правом были выработаны четко очерченное понятие и однозначная терминология собственности? Г.М. Кайзер, по существу, придерживается такого мнения. Он хотя и пишет, что “источники не дают нам никакого определения собственности”, тут же предлагает свое, не анализируя понятийную систему источников². Е.М. Штаерман, напротив, указывая на отсутствие у римских юристов однозначной дефиниции

² Kaser M. Op. cit., S. 340

собственности и владения, рассматривает это явление в контексте общего вопроса о характере римской собственности и римской юридической мысли³.

Полагаю, что решение этого вопроса должно быть поставлено в связь с проблемой специфики римского общественного сознания. Римские юристы нередко пользуются выражением “*dominus proprietatis*”, в котором юристы современные готовы порой видеть простой плеоназм. Но если и раннее право, по выражению Д. Диошди, не создавало формул, лишенных смысла, то, думается, устойчивые словосочетания привычного языка развитого римского права тоже требуют от исследователя прежде всего попытки их понять. Тем более что “господину собственности” соответствует и абстрактное понятие “*dominium proprietatis*”. Судя по всему, под “*proprietas*” разумеется не объект собственности, а право, и под “доминием” соответственно - обладание правом. Другой образец такого же словоупотребления - “*dominium ususfructus*”; понятие “*ususfructus*”, т.е. права пользования и извлечения дохода из чужого имущества, противоположно понятию “*proprietas*”. Можно привести сколько угодно примеров, в которых понятия “*dominium*” и “*proprietas*” взаимозаменяемы.

Создание особого и постоянного для права собственности термина «доминий» стало возможным лишь с дифференциацией правовых институтов, «обслуживавших» частную собственность: владение (*possessio*), сервитутов (особенно узуфрукта) и других.

По квинитскому праву, собственность, которая охранялась в суде виндикацией, могла быть приобретена, как уже выше отмечалось, только посредством строго формальных, признанных законом способов (манципация, цессия). Этот порядок непосредственно или опосредованно основывался на законах XII Таблиц и не под силу преторскому эдикту было отменить его формально. Другими словами, в консервативных умах юристов ассоциация виндикации и манципации представлялась нерушимой и буква закона неприкосновенной. Такое положение привело к следующему

³ Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 49—50

оригинальному и в высшей степени искусственному сочетанию юридических идей. Простая передача вещи *mancipi* не равнялась манципации или цессии и потому, передавший вещь не терял своего квинтского права собственности и права на виндикацию. Обладание вещью *mancipi*, приобретенное передачей, не было собственностью (*dominium*) и называлось просто «обладанием» (*habere in bonis*); оно не соединялось с виндикацией, которая оставалась за прежним собственником. Однако это «обладание» признавалось правомерным и заслуживающим судебной защиты, как собственность. Так сформировалась бонитарная (добросовестная) собственность, когда обладание было достигнуто неформальными способами, признанными преторским правом справедливыми и отвечающими как интересам лиц-обладателей, так и интересам общества. По сути, бонитарная собственность представляла собой промежуточную, переходную категорию от юридического владения к полноправной собственности и была временным закреплением прав на имущество.

Кроме того, в рассматриваемый период существенные изменения претерпевает узукания, трансформируясь из процессуального в вещно-правовой способ приобретения квинтской собственности.

В последнем столетии республики неким претором Публицием был издан эдикт, получивший название *edictum Publicianum*, который и установил желательный в обоих случаях иск.

Иск этот носил название *Publiciana in rem actio*. Он был построен на фикции исполненной давности; им защищается только такой владелец, который может приобрести собственность по давности, и защита его является как бы предварением такой возможной в будущем собственности.

Формирование института бонитарной собственности в римском праве – знаменательный момент в разработке института частной собственности. Бонитарная собственность выделила субъекта права из под власти *pater familia*, наделила собственника субъективными правами и обязанностями, устранила личностный момент в обладании имуществом на праве

собственности, свойственный квинтскому праву, установив только правовые основания для владения, пользования и распоряжения вещью.

В постклассический период различие между квинтской и преторской (бонитарной) собственностью постепенно исчезает. Так же исчезает деление вещей на *res mancipi* и *res mancipii*. Выходят из употребления старые квинтские способы передачи права собственности - манципация и цессия. Единственным способом приобретения права собственности по договору остаётся *traditio* независимо от вида имущества: движимое или недвижимое. Подвергается реформе и институт давности.

После всех реформ Юстиниана получило свое окончательное оформление то право собственности, которое в составе римского правового наследия вошло в законодательство новых народов, приобретя статус классического образца, подлежавшего корректировке с учетом национальных традиций и требований времени.

Глава III. Трактовка института права собственности в европейском законодательстве в период средневековья и нового времени

Параграф 1 «Рецепция римского права в европейское законодательство» посвящен рецепции римского права. В кодификации Юстиниана римское право получило своё завершение и в таком виде оно вошло в жизнь новых народов. В этом смысле можно говорить о новой истории римского права.

Но эта история была неодинаковой на Востоке и на Западе Европы. После Юстиниана жизнь римского права как бы разделяется на две ветви - восточную и западную. Восточная, Византийская ветвь, непосредственно примыкая к прежнему источнику праворазвития, на первых порах обнаруживает значительное оживление, но затем это оживление постепенно замирает, пока, наконец, эта ветвь не засыхает окончательно. Совершенно иначе складывается судьба западной ветви: на первых порах она кажется заглохнувшей и обреченной на гибель, но проходит некоторое время, она оживает развивается снова и покрывает своими «ростками» весь западный

мир.

Непрерывный рост влияния римского права наблюдался в странах романских (Италия, Испания, Южная Франция). В частности, в Италии уже в XI веке школой лангобардского права в Павии было провозглашено, что римское право есть *lex generalis omnium* и что оно во всех случаях может являться источником для восполнения местного права. Точно также в Испании; положения римского права проводились здесь на том основании, что *aequitas* есть общий субсидиарный источник права, а положения римского права вытекают, по мнению испанских юристов, из самой *aequitas*.

Помимо общих причин, вызывавших распространение римского права везде, в Германии рецепции его способствовало еще и то обстоятельство, что так называемая Священная Римская Империя считалась продолжением прежней Римской Империи, а императоры первой непосредственными преемниками императоров последней. Вследствие этого Юстиниановский свод склонны были считать как бы отечественным кодексом, а с другой стороны, законы императоров Священной Римской Империи прибавляли к Юстиниановскому кодексу, как его непосредственное продолжение. Фикция эта значительно облегчала дорогу римскому праву в Германии; если везде королевская власть в своей борьбе с феодализмом старалась опереться на римское право, то германские императоры оказывали ему особое покровительство. В значительной степени в этом тяготении к римскому праву играла роль и идея единого общеимперского права, идея национального объединения Германии, осуществившаяся лишь в XIX столетии.

Параграф 2 «Регулирование отношений собственности европейским законодательством: Кодекс Наполеона и Германское Гражданское Уложение»: Составители окончательного проекта ГГУ, всячески избегая научных дефиниций, не дали, строго говоря, понятия права собственности. Они избрали традиционный путь конструирования права собственности посредством описания содержания собственности. Ранее аналогичным

образом поступил французский законодатель, перечислив в известной статье 544 Кодекса Наполеона основные правомочия собственника. В соответствии с этой статьей, «собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами». Такая концепция собственности основана на принципе, выдвинутом Великой Французской революцией и заключавшемся в том, что собственность, так же как и свобода, представляет собой неотъемлемое право человека. В соответствии с французской гражданско-правовой доктриной, основывающейся на действующем законе, право собственности заключается: в правомочии пользоваться (*ius utidenti*), т.е. праве использовать вещь по ее назначению; в правомочии пользоваться плодами вещи (*ius fruendi*), в соответствии с которым собственник имеет право на доход, приносимый вещью; в праве уничтожения вещи (*ius abutendi*), что характеризует возможность собственника распоряжаться вещью по своему усмотрению. Тем не менее, германский законодатель избрал другой подход. Предложение о включении в текст ГГУ обычного перечисления правомочий, входящих в содержание собственности, было решительно отклонено комиссией по подготовке ГК на том основании, что собственность не является суммой отдельных правомочий.

Общая норма, характеризующая в ГГУ право собственности, получила поэтому следующую редакцию: «Собственник вещи может, насколько тому не препятствует закон или право третьих лиц, обращаться с вещью по своему усмотрению и исключать других от всякого воздействия на нее» (§ 903). Кодекс выделил, таким образом, два основных правомочия собственника: позитивное – «обращаться с вещью по своему усмотрению» и негативное – «устранять всех других от воздействия на нее». Изложенная германская формула, отличаясь от аналогичной французской (ст. 544 Кодекса Наполеона), не была, однако, теоретическим нововведением. Ее параллели можно обнаружить в более ранних германских законодательствах.

Различие германской и французской формул собственности носят скорее внешний, формальный, чем принципиальный характер. Их существо заключалось в обширном господстве собственника над вещью. Действительно, предоставив собственнику власть обходиться с вещью по своему усмотрению, германский законодатель тем самым дал ему *обширное господство* над вещью; второй отличительный признак содержания права собственности, выделенный законодателем, - право устранять других лиц от воздействия на вещь — означал не что иное, как *исключительность господства* собственника. Такая характеристика права собственности носила традиционное римское происхождение.

Свобода и индивидуальный характер права собственности наряду с отмеченными выше признаками исключительности и всеобъемлющего характера господства лица над вещью, составили атрибуты германской конструкции собственности, зафиксированной в ГГУ 1896 года. ГГУ сохранил, таким образом, прежний взгляд на содержание и характер права собственности, не отличающийся принципиально от классического понимания, зафиксированного Кодексом Наполеона.

Различие между движимостями и недвижимостями имеет в римском праве самое минимальное значение. Напротив, право новых народов еще на всем протяжении средних веков показывает нам описанную двойственность в полной ее силе. Единой системы вещных прав не существует *Liegenschaft* и *Farniss* представляют две совершенно отличные категории объектов. Для ГГУ характерно отсутствие сколько-нибудь значительных ограничений в праве собственности на движимые вещи. Основное внимание Уложение уделило формулировке ограничений права собственности на недвижимость. Обратимся непосредственно к анализу так называемых легальных ограничений собственника недвижимого имущества (земли). К наиболее известным нормам ГГУ в этой области принято относить ч.II § 905 и 906. В ч.II § 905 говорится, что «собственник не может, однако, воспретить воздействие на такой высоте или в такой глубине, что устранение его не

представляет для него интереса». Эта часть § 905 была добавлена только во втором проекте ГГУ. Первоначальный текст этого параграфа, таким образом, шире. Подобного ограничения не знает ст.552 ФГК, в соответствии с которой «собственность на землю включает в себя собственность на то, что находится сверху, и на то, что находится снизу».

Характеризуя право собственности по ГГУ, интересно выделить некоторые особенности правомочий собственника по распоряжению вещами. Здесь вновь выступают в резкой форме различия между движимыми и недвижимыми вещами. При переходе права собственности на вещи движимые, ГГУ закрепил старогерманское правило «Hand muss hand wahren» («Рука должна предостерегать руку»). Оно означало повышенную защиту прав добросовестного приобретателя вещи, то есть лица, купившего чужую вещь, но считавшего, что продавец – ее собственник. Собственник такой вещи, доверивший ее продавцу, лишался права истребовать ее у добросовестного приобретателя. Разумеется, под это правило не попадали краденые вещи, то есть вышедшие из-под власти собственника против его воли. Такие вещи (похищенные, потерянные), могут быть отыскиваемы (виндицируемы) от всякого третьего лица, те же вещи, которые были кому-нибудь добровольно вверены, в случае отчуждения их третьим лицам уходят от собственника окончательно; всякий добросовестный приобретатель их делается бесповоротным собственником, а прежний собственник имеет только иск об убытках к тому, кому он их вверил: «Wo man seinen Glauben gelassen hat, da muss man ihn suchen». Таким образом, добросовестный приобретатель, согласно вышеуказанному правилу, мог получить больше прав, чем имел отчуждатель. Ни Римское право, ни Кодекс Наполеона не знали подобного правила. ГГУ закрепил его в § 932, согласно которому «через отчуждение движимой вещи приобретатель становится собственником отчужденной вещи, хотя бы вещь не принадлежала отчуждателю, разве приобретатель действовал недобросовестно в то время,

когда применительно к настоящим правилам он должен был приобрести право собственности».

Правоотношения на недвижимости определяются совершенно иначе, чем правоотношения на движимости; существует не одна система вещных прав, а две - *Mobiliarsachenrecht* и *Immobiliarsachenrecht*. Это тоже отличительная черта германского вещного права, так как в Римском праве, как мы уже видели, полностью отсутствовали формальности сделок с недвижимостями. Не знает германского начала и ФГК. Так, согласно ст. 1138 и 1583 Кодекса Наполеона, переход недвижимой собственности совершается силой простого соглашения. Для этого не требуется никакого формального акта. По ГГУ для передачи права собственности на недвижимые вещи (или установление залога в отношении недвижимости) необходим публичный акт: запись в особой Поземельной книге. Институт Поземельной книги урегулирован был особым имперским законом, принятым наряду с ГГУ в 1897 году. Институт поземельных книг был вызван потребностями развивающегося гражданского оборота. Отсутствие ясных и для всех легко зримых форм установления вещных прав на недвижимости прежде всего вредно отражалось на поземельном кредите. Лицо, дающее под залог недвижимости, никогда не могло быть уверено в том, что на той же недвижимости нет других, ранее установленных закладных прав; вследствие этого подобные ссуды были сопряжены с огромным риском и, если давались, то, разумеется, на очень тяжелых условиях. Если желательно было облегчить самую возможность поземельного кредита, то, очевидно, необходимо было создать какую-нибудь гарантию для кредиторов в этом отношении.

Параграф 3 «Влияние идей исторической школы права на понимание и регулирование отношений собственности в ФГК и ГГУ»: Начиная со второй половины XIX века дает себя знать влияние социалистических учений и идей «исторической школы права»

Частная собственность продолжает оставаться субъективным правом, но подчеркивается социальная функция, которую это право призвано

выполнять. Собственность есть юридический институт, созданный, для удовлетворения известной экономической потребности и по необходимости эволюционирующий вместе с самими же экономическими потребностями.

Какую экономическую потребность должен был удовлетворить, говоря вообще, юридический институт собственности? Она очень проста и появляется во всяком обществе: это потребность предназначать известные блага для определенных индивидуальных или коллективных целей и, следовательно, потребность социально защищать и гарантировать это предназначение. Для этого необходимо: во-первых, чтобы всякий акт, совершенный согласно одной из этих целей, был санкционирован и, во-вторых, необходимо, чтобы все акты, им противные, были социально подавляемы. Социальный институт, созданный для достижения этого двойного результата, - это и есть собственность в юридическом смысле слова. Когда мы задаем себе вопрос, каково юридическое понятие собственности, мы задаем себе вопрос, на каком понятии основывается социальный институт, имеющий своим предметом защиту предназначения вещи для индивидуальной или коллективной цели, санкцию актов, согласных с этой целью, и подавление актов, противных ей.

В основе этой концепции собственности лежит то обстоятельство, что каждый индивид обязан выполнять в обществе известную функцию, непосредственно зависящую от того места, которое он в нем занимает. Таким образом, обладатель имущества в силу одного того, что он им обладает, может выполнить известную работу, могущую быть выполненной только им одним. Собственность больше не является субъективным правом собственника; она есть социальная функция обладателя имущества. Содержанием собственности-функции является:

1. Собственник имеет обязанность, а тем самым и полномочие использовать вещь, которой он обладает, для удовлетворения индивидуальных потребностей, в частности своих личных потребностей,

использовать ее для развития своей моральной, физической и умственной деятельности.

2. Собственник имеет обязанность, а тем самым и полномочие использовать свою вещь для удовлетворения общих потребностей, потребностей всего национального коллектива или более мелких коллективов

Глава IV Римское право собственности: проблемы и споры современности. Римское право и российское законодательство о собственности.

Параграф 1 «Владение как элемент собственности и самостоятельный институт. Соотношение владения и права собственности» : Только после выделения владения в отдельный институт гражданского права стало возможным и научно обоснованное определение права собственности, обеспечение ясности и стабильности регулируемых им правоотношений. Однако, то ли по причине недостаточной проработки соотношения институтов владения и собственности, то ли в результате особенностей уклада новых народов, вопрос о владении как основной характеристики собственности остается открытым и до настоящего времени. Рассмотрение данного вопроса тем более необходимо для более полного представления жизни римского института права собственности в современном гражданском праве. Кроме того, с защитой института собственности неразрывно связана проблема защиты владения как фактического обладания имуществом. Защита владения служит целям обеспечения интересов собственников и поддержания стабильности, установленного правопорядка в сфере имущественных отношений, устойчивости гражданского оборота, оперативного устранения препятствий в пользовании имуществом, вовлеченным в хозяйственный оборот.

В современной романо-германской (континентальной) системе права обнаруживается два основных подхода в вопросе о понятии и защите

владения, отличающиеся разной степенью полноты и интенсивности. Гражданский кодекс Франции (ФГК) относит владение к разновидности вещных прав, регулируя его в основном в рамках регламентирования права собственности. Особыми владельческими исками (*actio possessionis*) защищается только владение недвижимостью. Вместе с тем в Германском Гражданском уложении (ГГУ) владение рассматривается как самостоятельный вещно-правовой институт, непосредственно не связанный с правом собственности, и дающий владельческую защиту как движимому, так и недвижимому имуществу. К одной из этих двух позиций обычно склоняется законодатель и других стран континентального права.

Современное российское гражданское право, как отметил К.И. Скловский, пока не позволяет обнаружить самостоятельное право владения. Владение в ГК РФ рассматривается лишь как элемент содержания права собственности (Ю.К. Толстой).

Параграф 2 «Вопросы ограничения права собственности»: В вопросе об ограничении прав собственности современное западное право неизменно придерживается стандартов догмы римского права. Однако, современный российский законодатель не систематизировал институт ограничения права собственности, вследствие чего не ввел его в новый гражданский кодекс.

Ограничения права собственности в российском законодательстве не систематизированы, отдельные положения содержатся в различных нормативно-правовых актах, что приводит к трудностям в правоприменении. Теоретическое и практическое отсутствие такого института, игнорирование исторического опыта приводит к беспомощности всех субъектов любой отрасли права.

Параграф 3: «Приобретательная давность: проблемы и споры современности»: Одним из условий возникновения права собственности в силу приобретательной давности является добросовестный характер владения вещью. Это правило предоставляет правоприменителю значительные дискреционные полномочия, поскольку содержит термин

“добросовестность”, относящийся, скорее, к области морального, а не правового регулирования.

Впервые правило о приобретательной давности было установлено современным законодателем в Законе РСФСР “О собственности в РСФСР”. Комментируя п. 3 ст. 7 Закона, исследователи указывали, что добросовестным является тот фактический владлец вещи, который не знает и не должен знать о незаконности своего владения, т. е. об отсутствии у него юридического титула на вещь. В подтверждение правильности представления о тождественности добросовестности приобретателя имущества по давности владения (узукапиента) и добросовестности приобретателя имущества - ответчика по виндикационному иску можно сослаться и на авторитет римской юриспруденции, требующей чтобы владлец приобрел вещь на основании какого-либо правомерного титула- *justo titilo*, добросовестно - *bona fides*, то есть, чтобы он в момент приобретения не знал, что вещь чужая.

Статья 234 ГК РФ требует добросовестности владения не только в момент приобретения имущества, но и на протяжении всего времени фактического владения, следуя традиции канонического, а не римского права, согласно которому, если добросовестный приобретатель в дальнейшем узнает, что приобрел вещь у лица, не имеющего права на ее отчуждение, *usucapio* тем не менее продолжается. Таким образом, если придерживаться традиционного взгляда на добросовестное владение как владение при котором обладатель вещи не знает и не может знать о том, что не обладает правом собственности на вещь, то следует прийти к неприемлемому выводу о том, что выигравшему дело ответчику по виндикационному иску необходимо отказать в приобретении права собственности на предмет спора в порядке приобретательной давности, т. к. в момент предъявления иска он узнал, что не является собственником вещи.

В цивилистической доктрине распространен взгляд, согласно которому у добросовестного приобретателя возникает право собственности в случаях,

когда ст. 302 ГК РФ не позволяет истребовать у него имущество, а предыдущий обладатель прав на него более не признается его собственником. Однако, в соответствии с п. 4 ст. 234 ГК РФ течение usucapio в отношении вещи, которая может быть изъята посредством виндикационного иска, начинается не ранее истечения срока исковой давности по соответствующему требованию.

В соответствии с абзацем 3 п. 3 ст. 225 ГК бесхозная недвижимая вещь, не признанная по решению суда поступившей в муниципальную собственность может быть приобретена в собственность в силу приобретательной давности. Между тем, п. 1 той же статьи полагает бесхозной вещь, не имеющую собственника, вещь, собственник которой неизвестен либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался. Если добросовестность является обязательным условием приобретения имущества в силу приобретательной давности, то, следовательно, давностным владельцем может быть не только лицо, которое не знало и не должно было знать, что приобретает вещь у неуправомоченного отчуждателя, но и лицо, завладевшее бесхозной вещью. Сказанное согласуется с судебной практикой.

Русское дореволюционное законодательство не связывало давностное владение с добросовестностью его субъекта. Ст. 533 ч. 1 т. X Свода Законов Российской империи вслед за ст. 2229 Французского гражданского кодекса гласила: “Спокойное, бесспорное и непрерывное владение в виде собственности превращается в право собственности, когда оно продолжится в течение установленной законом давности”.

Представляется, что для приобретения по давности, необходимо убеждение узукапиента, что он приобретает вещь честно и по праву (субъективный критерий), с другой стороны, его фактическое владение не принадлежащим ему имуществом не должно вызывать протест со стороны господствующих в обществе представлений о должном и не должном, т. е. не

являться предосудительным с точки зрения общественного быта (объективный критерий).

Отдельные (специальные) случаи института приобретательной давности нашли свое закрепление в иных положениях ГК РФ. Так, п.3 ст.250 ГК РФ предусматривает трехмесячный срок для перевода прав и обязанностей покупателя на участника общей долевой собственности, если доля была отчуждена с нарушением требований указанной статьи. Здесь имеет место случай приобретения третьим лицом собственности с пороком сделки, о котором он не знал и не мог знать. Законодатель, и судебная практика, в данном случае стоят на защите добросовестного приобретателя и устанавливают для него «сокращенный трехмесячный срок «приобретательной давности». Пленум ВАС РФ указал, что в случае нарушения права преимущественной покупки, предъявления иска о признании сделки недействительной (ничтожной) (исковая давность 10 лет) в данном случае не применяется.

Таким образом, позиция законодателя, избравшего в большинстве случаев путь “квалифицированного молчания” и не определившего каким - либо образом понятие добросовестности узакапиента, является правильной. Здесь имеет место как раз тот случай, о котором германский цивилист Фр. Бернгфет писал: “Определения часто бывают неверными вследствие трудности найти подходящее выражение”⁴. Отыскать содержание данного понятия - задача судебной практики, которая должна руководствоваться словами римского юриста Эмилия Павла: "Не из (отвлеченного) правила (regula) выводится право, но из существующего права должно быть создано правило” (D.50.17.1).

В Заключение излагаются основные выводы диссертационного исследования.

⁴ См.: Савельев В. А. Гражданский Кодекс Германии (история, система, институты): Учеб. пособие. 2- изд. перераб. и доп. М.: Юрист, 1994. С. 20

По теме диссертации опубликованы следующие работы
Работы, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК

1. Водкин М.Ю. Актуальные проблемы соотношения собственности и владения: сравнительно-исторический анализ // Актуальные проблемы правоведения: Вестник Самарского государственного экономического университета Специальный выпуск – Самара - 2006

2. Водкин М.Ю. Владение как элемент собственности и самостоятельный институт. Соотношение владения и права собственности // МИТС-НАУКА: международный научный вестник: сетевое электронное научное издание» - Ростов, 2006, № 4 (0420600032/0052)

Работы, опубликованные в иных изданиях:

3. Водкин М.Ю. Приобретательная давность: история и современность//Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы Всероссийской IV научной конференции молодых ученых (г.Самара, 23-24 апреля 2004 г.) – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.

4. Водкин М.Ю. Основные проблемы природы и характеристики римской собственности// Международные юридические чтения: Материалы научно-практической конференции. – Омск: Омский юридический институт, 2004

5. Водкин М.Ю. Приобретательная давность: проблемы и споры современности// Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее (К 140-летию Уставов Судебной реформы) – Волгоград: ВРО МСЮ, 2004

6. Водкин М.Ю. “Dominium” и “possessio” как основные характеристики римской собственности // Право: теория и практика – Москва, 2006

7. Водкин М.Ю. Добросовестность владельца как основание приобретения права собственности: исторический аспект//Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов – Курск, октябрь 2006, № 10.